

Травелогги югославских писательниц первой половины XX века: в поисках идентичности

А. Г. БОДРОВА

Кафедра славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 11, RU-199034 Санкт-Петербург

E-mail: a.bodrova@spbu.ru

(Received: 4 November 2018; accepted: 10 March 2019)

Проблемы идентичности, особенно национальной, являются неизменной составляющей жанра травелога, находящегося на периферии литературного поля – на границе между художественной и документальной литературой. Сами авторы, создававшие травелоги, часто иронически относились к этому жанру. Словенский писатель Изидор Цанкар в своем произведении «В пути» (*S poti*, 1919) писал: «О, книга о путешествии, ты старая беда! Незаконное дитя бесплодного смущения, постыдное действие отчаявшегося, поэтическая ложь непозитических писак, история мучительных часов за письменным столом, наглядный пример пустыни фантазии, павлинье перо, вырванное на чужом огороде и положенное в миску людям, жаждущим знаний, ты чудовище, старик-путевой дневник!» (САНКАР 1996: 22). Использование термина *травелог*, обозначающего «отдельное произведение литературы путешествий», представляется целесообразным, так как позволяет «разграничить путешествие-поездку и текст о ней» (ПОНОМАРЕВ 2013: 9).

Травелог следует отличать от литературы эмиграции, а также от автобиографии. В то же время очевидно пересечение этих текстов с мемуарной прозой, с так называемыми эго-документами. О родстве травелога с автобиографией еще в начале XIX века размышлял русский историк и писатель Николай Карамзин: «Ныне путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе» (КАРАМЗИН 1964: 729). Автор травелога рассказывает не только об увиденных странах и городах, людях и явлениях, но и о себе, о событиях своей жизни.

С одной стороны, во время путешествия автор направляет свое внимание к «другим / чужим» народам и культурам, которые можно назвать «кинородными для воспринимающего национального сознания» (ПАПИЛОВА 2013: 1). С другой стороны, при восприятии «чужого» неизбежно обращаешься к «своему», к своей идентичности. Концепт «свой – другой / чужой», на котором строится диалогическая философия (М. Бубер, Г. Марсель, М. М. Бахтин и Э. Левинас), предполагает осмысление культурно-«своего» на фоне «чужого» и одновременно культурно-«чужого» на фоне «своего».

Проблеме национальной идентичности посвящена огромная литература, предлагающая множество определений понятия «нации».

Постнеклассический (или деконструктивистский) подход к нации представляется наиболее продуктивным: нация рассматривается как плод коллективного воображения, «воображаемое сообщество» (АНДЕРСОН 2001: 30), как продукт дискурсивных практик.

Национальные воображаемые сообщества легли в основу многих современных государств как Европы, так и Америки, например, политических образований, созданных после распада Австро-Венгрии или Югославии. Бенедикт Андерсон отмечает, что именно работа филологов и литераторов сыграла главную роль в формировании европейских национализмов XIX века (АНДЕРСОН 2001: 93), он сводит феномен нации к нарративу (АНДЕРСОН 2001: 221–223). Таким образом, национальная идентичность не является генетически заданной, а представляет собой культурный конструкт.

Женское путешествие имеет в культуре особый статус. Даже в первой половине XX в. женщине отводилось пространство дома (HABINGER 2006: 43). Отправляться в путешествие, особенно без сопровождения, было для женщины, по крайней мере, необычно. По Симоне де Бовуар, женщина в обществе – это «другой» (БОВУАР 1997: 28). Поэтому женские травелоги можно определить как взгляд «другого» на «другого / чужого».

Как в гендерной, так и в национальной теории уместным представляется термин *перформативность*. Джудит Батлер пишет о перформативном гендере (BUTLER 1990: 139), а Бенедикт Андерсон говорит о нации как конструкте, категории условной и фактически перформативной.¹

Предметом исследования являются травелоги, созданные югославскими писательницами в первой половине XX в. на сербском, словенском и немецком языках. Данные тексты находятся на периферии литературного поля и, за редким исключением, не относятся к канону.² Процесс поиска югославских женских травелогов не лишен сложности, так как многие из них не выходили отдельными изданиями, а публиковались только в журналах.

На сегодняшний день нам удалось найти произведения следующих словенских авторов: Луизы Песьяк (Luiza Pesjak, 1828–1898) (хотя это автор XIX века, привлечение ее текстов представляется оправданным, потому что ее травелоги были созданы в конце XIX века и обнаруживают много общего с произведениями этого жанра первой половины XX века), Марицы Стрнад (Marica Strnad, 1872–1953), Марицы Грегориич-Степанчич (Marica Gregorič Stepančič, 1876–1954) и Альмы Максимилианы Карлин (Alma Maximiliana Karlin, 1889–1950), а также двух сербских писательниц: Исидоры Секулич (Исидора Секулић, 1877–1958) и Елены Димитриевич (Јелена Димитријевић, 1862–1945).

¹ О связи национальных и гендерных конструктов и их перформативном характере см. ЕЛИСЕЕВА 2014: 57–58.

² О проблеме канона в сербской литературе см., например, КОХ 2012: 86–91.

Наиболее известными из этих фигур являются И. Секулич в Сербии и немецкоязычная писательница А. Карлин в Словении. В последнее время объектом внимания исследователей (ПЕКОВИЧ 1986, СЛАПШАК 1998, КОХ 2011 и др.) стало также творчество Елены Дмитриевич. Другие авторы-путешественницы являются почти забытыми.

Всех этих писательниц (кроме Дмитриевич) объединяла учительская профессия. По числу написанных травелогов и по количеству увиденных стран в некоторой степени сопоставимы немецкоязычная словенка Альма Карлин и сербка Елена Дмитриевич. Творчество Карлин довольно сложно соотнести с той или иной национальной литературой в силу гибридности его культурного контекста (Бодрова 2014). Словенка по происхождению, она родилась в Австро-Венгрии, впоследствии являлась гражданкой Югославии, писала по-немецки. В 1919 году писательница отправляется в путь. За время восьмилетнего путешествия она побывала в Перу, Панаме, Гондурасе, Коста-Рике, Мексике, Сан-Франциско, на Гавайях, в Японии, Китае, Корее, Австралии, Новой Зеландии, на Фиджи, Новой Каледонии, Каролинских островах, Новой Гвинее, в Индонезии, Таиланде, Бирме, Индии и других странах. Она путешествовала без сопровождения и сама финансировала свои поездки. В 1930 г. вышла первая часть травелога под названием «Одинокое путешествие» (*Einsame Weltreise*), в этом же году – вторая часть «Под чарами Южного моря» (*Im Banne der Südsee*).

Писательница и поэтесса Елена Дмитриевич³ родилась в княжестве Сербия, впоследствии оказалась гражданкой Королевства сербов, хорватов и словенцев (позднее Югославии). Она принимала активное участие в работе сербских женских организаций. В творчестве Дмитриевич травелоги широко представлены: «Письма из Салоник» (*Писма из Солуна*, 1918), «Письма из Индии» (*Писма из Индије*, 1928), «Семь морей и три океана» (*Седам мора и три океана*, 1940), «Новый свет или год в Америке» (*Нови свет или у Америци годину дана*, 1934) и др.

Произведение «Письма из Норвегии» (1914) Секулич обладает особым статусом, поскольку только этот текст, в отличие от других исследуемых произведений, вошел в канон национальной литературы. В 1913 г., когда Сербия была на пике национального подъема, вызванного Балканскими войнами, Секулич отправляется в путешествие по Норвегии, а годом позже издает свой травелог (Бодрова 2011).

Тексты других авторов значительно скромнее по объему. И сами путешествия были не такими масштабными (по времени и расстояниям), многие из них можно назвать короткой поездкой.

В конце XIX – в первой половине XX вв. меняются границы государств, многие люди были вынуждены задумываться о своей национальной идентичности. Именно в первой половине XX в. на Балканах продолжает активно формироваться национальная идентичность. Также усиливается процесс

³ Биографию и краткий обзор творчества Елены Дмитриевич см. СТЕЉА 2012.

эмансипации женщин. Наблюдается изменение привычных представлений о гендерных ролях, например, женщины все чаще и чаще отправляются в путешествия, что ранее считалось привилегией мужчин. Сочетание гендерной и национальной проблематики для югославских женских травелогов этого периода особенно актуально. В исследуемых текстах можно выделить несколько тенденций.

Общим для всех текстов является обращение к национальной проблематике, что представляется закономерным, так как во время путешествия происходит встреча с «другими» нациями, при этом на фоне «чужого» опыта происходит осмысление ситуации в своей стране. Национальная идентичность путешественниц влияет на восприятие других наций.

Как представительница сербского народа путешествует Исидора Секулич. В «Письмах из Норвегии» часто встречаются сравнения Норвегии и Сербии: их истории, климатических условий, уровня образования, особенностей менталитета народов. Стоит отметить характерную ориентированность поведения травелого «на отношение к родине, которая выступает своеобразным центром произведения» (ШАЧКОВА 2008: 278). В травелоге возможны разные модели отношения «своего» к «чужому», от враждебности до преклонения. Надо отметить, что изначально Секулич, подчеркивая свой космополитизм, настроена на принятие норвежской культуры, в адрес которой она не позволяет себе практически ни одного критического высказывания. Писательница подчеркивает, что норвежцы и сербы оказываются не такими уж далекими – например, оба народа недавно приобрели независимость от многовековых угнетателей (сербь от Османской империи и Австро-Венгрии, норвежцы от Швеции и Дании). Однако при всем сходстве очевидно и различие ситуаций на Балканах и в Скандинавии, для которой наступили «другие времена». Если в древней скандинавской поэзии кровь сравнивалась с росой на мече героя, то теперь конфликты норвежцы решают мирным путем: уже давно и в истории, и в поэзии Скандинавии «перестало пахнуть кровью» (СЕКУЛИЧ 1961: 187–188).⁴ Возможно, в этом сообщении присутствует надежда, что показ другой модели исторического развития на примере норвежского народа, такого же малочисленного (по мнению Секулич), как и сербский, знакомство с другой культурой, приведет к позитивным изменениям своей.

Марица Грегориц в «Поездке по Балканам» пишет о «теплых чувствах национального самосознания, укорененных в нашей груди» (GREGORIČ ŠTEPANČIČ 1912: 15).⁵ Ее тексты отличает панславизм, славянская взаимность. И другие словенские путешественницы, кроме Альмы Карлин, мыслят себя славянками. Их занимает проблема славянского.

Так Луиза Песьяк, говоря о Дрездене, пишет: «И здесь в былые времена ходил твой родной брат – и эта земля была славянской» (PEŠJAK 1877: 146).⁶

⁴ Перевод здесь и далее автора статьи – А. Б.

⁵ «Topla čustva narodne zavesti, so se v naših prsih ukoreninila».

⁶ «In tudi tod je v nekedanjih časih hodil tvoj rodni brat, – tudi ta zemlja je bila slovanska».

В литературе путешествий при обращении к другим народам авторы зачастую прибегают к стереотипным образам других стран и этносов. Так, во многих исследуемых текстах присутствует обращение к национальным стереотипам. Немецкая исследовательница Наташа Вюрцбах отмечает типичное для травелогов «стремление подорвать статус „инаковости“ и смягчить угрожающий характер „другого“, нейтрализовать его специфическую чуждость» (WÜRZBACH 2006: 139).

Самой распространенной стратегией является использование стереотипов, благодаря которым «чужой» становится более близким (WÜRZBACH 2006: 139). Стремясь понять «чужого», автор прибегает к упрощению его восприятия – к стереотипам. Проблема формирования национальных стереотипов является темой отдельного исследования и будет затронута в данной статье лишь вкратце.

Например, Марица Стрнад в произведении «В тумане» пишет о веселом нраве, присущем именно хорватам. Так она делится со своей спутницей догадкой: «Вы увидите, что комендант хорват; это «пение» его выдает; этого нет у итальянцев. Выдавало его еще кое-то: тот юмор, веселость и живость, которая не оставляет хорвата даже в старости» (STRNAD 1898).⁷

В большинстве текстов в той или иной степени наблюдается связь национальных и гендерных стереотипов.

В «Письме из России» Марица Стрнад восхищается образованностью русских женщин: «...у женщин, как и у мужчин, есть право преподавать в женских и мужских гимназиях... таким образом неудивительно, что русские (женщины) высокообразованные и почти все близорукие, потому что страстно любят книгу... А ту пользующуюся дурной славой эмансипацию, которой так интересуются студентки, не слышишь и не видишь в России совсем...» (STRNAD 1900: 1).⁸

Также она пишет о красоте русских женщин (STRNAD 1900: 1).⁹

Марица Грегориш в конце своего травелога по Скандинавии рассуждает о внешности скандинавок: «Что касается женщин, должна заметить, что они не красавицы с благородными чертами и, как говорится, с выточенным носом или классическим овалом подбородка, но они такие, почти без исключения, что каждой можно сказать „красивая женщина“. Прямой стройный стан, снежно-белое лицо и отличные манеры. В общем, у них здоровое сильное тело, и я встречала каждый час старых женщин с по-девичьи свежей кожей.

⁷ «Videli bodete, da je komandant Hrvat; ono „pjevuckanje“ ga izdaje; tega nimajo Italijani. Izdajalo ga je pa še nekaj: oni humor, ona veselost in živahnost, koja ne ostavi Hrvata, niti ko je že star».

⁸ «Zato pa so tudi vsposobljene prav tako za moške kakor za ženske polne gimnazije, le radi starosti in razvitosti dečkov smejo predavati samo v štirih nižjih gimnazijskih razredih. Takim načinom se ni čuditi, da so Rusinje visoko naobražene ženske in kratkovidne so vam skoraj vse, ker strastno ljubijo knjigo. O tisti zloglasni buršikoznosti in emancipaciji, s katero se pa tako rade obdajajo študentke, pa ne slišiš in ne vidiš v Rusiji prav nič...».

⁹ «In prav lepe so ruske ženske in mnogo je lepih».

Скорей всего, на их гладкую кожу влияют холодная пища и воздержанность от курения и любых алкогольных напитков» (GREGORIĆ STEPANČIĆ 1922: 143).¹⁰

В этих примерах можно увидеть механизмы создания гендерных и национальных стереотипов восприятия. Используются такие средства, как упрощение, генерализация, гиперболизация, оценочная лексика, антитезы.

В текстах Альмы Карлин национальная и расовая идентичности тесно связаны с гендерной проблематикой. Карлин воспринимает мир посредством бинарных оппозиций: словенец ↔ австриец (или немец), белый ↔ небелый (цветной), мужчина ↔ женщина. Колониальный подход писательница совмещает с элементами феминистических взглядов в оценке увиденного. Она сочувствует местным изможденным работой (*abgearbeitete*) женщинам и резко осуждает ленивых мужчин. Уже в первой части травелога, в котором Карлин освещает свою жизнь в Перу, она вводит авторский неологизм *Mannszweibeine* («мужчина двуногий»), обозначающий «небелых» мужчин, которые, с ее точки зрения, отличаются чрезмерной сексуальностью. С другой стороны, с презрением писательница отзывается и о метисках, об их интеллектуальном уровне, поведении и обычаях. Иногда автор встает на позицию доминантной расы, производит стереотипы патриархального общества (хочет быть в окружении более развитых мужчин, сама хочет быть Колумбом), иногда соотносит себя с подавляемой группой женщин (особенно после попыток изнасилования, которым А. Карлин, по ее словам, подвергается в Южной Америке).

Взаимодействие гендерной и национальной проблематики происходит по-разному. Одна из тенденций – связь национального освобождения с эмансипацией женщин. Наиболее ярко эту взаимосвязь демонстрирует высказывание Е. Димитриевич из травелога «Семь морей и три океана»: «Мы, женщины сербские, не меньшие патриотки, чем женщины египетские... Не принадлежит ли большая часть заслуги, что из маленькой Сербии возникла большая Югославия, сербским женщинам?» (ДИМИТРИЛЕВИЋ 1940: 213).¹¹

В другом травелоге «Письма из Салоник» Димитриевич, чья биография была связана с Турцией и турецкими гаремами – еще в юности, живя в южной Сербии, она познакомилась с жизнью местных гаремов, чему посвятила книгу «Письма из Ниша о гаремах» (*Писма из Ниша о харемима*, 1897), – признается, что ее потрясла почерпнутая из газеты информация о Младотурецкой революции 1908 г. В заметке было написано, что турчанки с непокрытыми головами вышли на улицы. Сербскую писательницу это настолько

¹⁰ «Z ozirom na ženske naj opomnim, da niso nikake krasotice s plemenitimi potezami pa takorekoč izklesanega noska ali klasično zaokroženega podbradka, vendar so take, da se skoro brez izjeme lahko vsaki zakliče „lepa ženska“. Ravnega slokega stasa so, snežnobslega obraza in odličnih manir. Na splošno so zdravega krepkega života in srečala sem vsako uro stare ženice z dekliško svežo poltjo. Najbrže vplivata na njihovo gladko polt mrzla hrana in zdržljivost do kadenja in vsake alkoholne pijače».

¹¹ «Ми, жене српске нисмо мање патриотке од жена египатских; или жене египатске патриотке су као жене српске. Један велики део заслуге што је од мале Србије постала велика Југославија – не припада ли женама српским?».

взволновало, что она поменяла планы: «Хотела ехать в Европу, но передумала... более сильная любовь к Востоку победила» (Димитриевич 1918: 6). Большая часть данного травелога посвящена женскому вопросу в Турции. Женскую тему можно считать центральной и для других произведений Димитриевич. Специфику травелога определяет позиция путешественника. Национальная и гендерная идентичность самой Димитриевич отразилась на восприятии другой страны. Она путешествует как представительница сербской нации. Например, в «Письмах из Индии» сопоставляет индийский и сербский народ, проводит параллель борьбы Индии за независимость с освобождением родной Сербии. К примеру, она именно своим происхождением объясняет тот факт, что ее приняли в доме Р. Тагора: «Потому что большой Индии импонирует маленькая Сербия; и ее берут как образец для осуществления своих идеалов» (Димитриевич 1928: 12).¹² В данной ситуации имеется в виду борьба за национальную независимость. Неслучайно бенгальский язык по звучанию напоминает Димитриевич речь македонцев, которую она относит к «нашему языку» (Димитриевич 1928: 22). Индию сербская писательница связывает с фигурами Ганди и Тагора (знакомству с индийским поэтом посвящена большая часть текста), борцами за свободу.

В некоторых травелогах присутствует размывание и переосмысление национальных и гендерных границ. Следует помнить, что сам факт женского путешествия нарушает общепринятые представления о гендерных ролях.

В травелоге Секулич женский вопрос затрагивается лишь в размышлениях об эмансипации, особой сторонницей которой сербская писательница не была. Однако в связи с переосмыслением общепринятых гендерных ролей показательны отрывки, посвященные старым девам в Норвегии, которые в отличие от маргинализированных старых дев в Сербии являются полноправными членами общества, принимают активное участие в социальной жизни.

Навязчивое стремление создавать национальные идентичности сочетается в это переходное время, когда прекращают существования одни государства, создаются новые, с гибридными идентичностями. Альма Карлин, называвшая себя австрийкой, отправилась в путешествие с паспортом недавно возникшего Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). В тексте «Одинокого путешествия» неоднократно описываются сцены, где у путешественницы возникают проблемы из-за того, что никто не знает государства СХС. Она называет себя «дитем неизвестного там [в Новой Зеландии – А. Б.] СХС» (KARLIN 1930a: 310). Писательница отмечает, что у этого государства нет своих дипломатических представительств во многих странах. Примечательно, что, несмотря на свой «ненемецкий» паспорт, А. Карлин устраивается на работу в немецкие посольства в Токио и Сингапуре, т. е. зачастую окружающие ее воспринимают именно как немку. Однако весьма показательной является также представленная в тексте «Под чарами Южного моря» сцена

¹² «Јер великој Индији импонује мала Србија; и њу узимају као идеал за остварење својих идеала».

у враждебно настроенного к Карлин немецкого консула, который отказывается признать ее немецкую идентичность. А. Карлин пишет, что она почувствовала в разговоре с ним, что у нее нет родины: «...мне стало ясно, что у меня нет никакой родины – не считая политической по паспорту» (KARLIN 1930b: 300).¹³ Творчество Альмы Карлин представляет интерес для исследования среди прочего благодаря своей пограничной биографической ситуации, показывает условность категории нации и подтверждает перспективность изучения феномена национальности как конструкта. Травелоги Карлин содержат многочисленные примеры неудачных попыток идентифицировать ее национальность. Ситуация Карлин рассматривается как доказательство дискурсивного характера категории «национальность».

При всем стремлении мыслить оппозициями мужское ↔ женское, Карлин приписывает себе квир-идентичность, делясь своими догадками, кем ее воображали жители Новой Гвинеи, которые не могли ее соотнести ни с одним из двух полов: «я была белой, но недостаточно высокой и сильной, чтобы быть мужчиной, и недостаточно округлой для женщины» (KARLIN 1930b: 184).¹⁴ Гибридность национального контекста неразрывно связана в случае с Карлин и гендерной гибридностью. Ряд исследователей соотносит ее творчество с феминистической (SLAPŠAK 2010: 308–317), а также квир-направленностью (ČUJEŽ 2011), что опять же является спорным и проблематичным.

В результате данного исследования выявляется специфика конструирования национальных и гендерных идентичностей в первой половине XX в. Для этого периода можно отметить, с одной стороны, сохранение национальных и гендерных границ, подкрепленных стереотипами, с другой стороны, очевидны тенденции к изменению установленных рамок, подвижность моделей гендерной и национальной идентификации, во многом обусловленная социально-историческими процессами того времени.

Литература

- АНДЕРСОН 2001 = АНДЕРСОН Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва, 2001.
- БОВУАР 1997 = БОВУАР С. *Второй пол*. Т. 1–2. Москва, 1997.
- БОДРОВА 2011 = БОДРОВА А. Г. «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич. В кн.: *Славяне в неславянских странах*. Вып. 2. Санкт-Петербург, 2011. 39–46.
- БОДРОВА 2014 = БОДРОВА А. Г. Между славянским и германским: проблема национальной идентичности в биографии и творчестве Альмы Карлин. В кн.: Котова М. Ю. (ред.) *Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей*. Санкт-Петербург, 2014. 49–64.
- ДИМИТРИЕВИЋ 1918 = ДИМИТРИЕВИЋ Ј. *Писма из Солуна*. Сарајево, 1918.
- ДИМИТРИЕВИЋ 1928 = ДИМИТРИЕВИЋ Ј. *Писма из Индије*. Београд, 1928.

¹³ «...erkannte ich, daß ich keine Heimat hatte – außer einer paßpolitischen».

¹⁴ «...ich war weiß, aber nicht lang und stark genug, um ein Mann, und nicht rund genug, um eine Frau zu sein».

- ДИМИТРИЈЕВИЋ 1940 = ДИМИТРИЈЕВИЋ Ј. *Седам мора и три океана. Путем око света*. Београд, 1940.
- ЕЛИСЕЕВА 2014 = ЕЛИСЕЕВА А. В. Гендерне, социјалне и националне перформативне конструкције у роману Т. Фонтане «Еффи Брист». *Вестник Санкт-Петербуршког универзитета* 2014/1: 52–59.
- КАРАМЗИН 1964 = КАРАМЗИН Н. В. *Избрани сочиненија у два тома*. Т. 1. Москва–Ленинград, 1964.
- КОХ 2012 = КОХ М. *Када сазремо као култура: стваралаштво српских списатељица на пошту XX века: канон – жанр – род*. Београд, 2012.
- ПАПИЛОВА 2013 = ПАПИЛОВА Е. В. *Художественна имагологија: немци глазами русских (на материјалу литературе XIX в.)*. АКД. Москва, 2013.
- ПЕКОВИЋ 1986 = ПЕКОВИЋ С. Јелена писма. In: ДИМИТРИЈЕВИЋ Ј. *Писма из Ниша о Харемима I–XV*. Београд–Горњи Милановац, 1986.
- ПОНОМАРЕВ 2013 = ПОНОМАРЕВ Е. Р. *Типологија советског путовања: «путовање на Запад» у литератури међувоенног периода*. Санкт-Петербург, 2013.
- СЕКУЛИЋ 1961 = СЕКУЛИЋ И. *Сабрана дела*. Књ. 1. *Сапутници. Писма из Норвешке*. Београд, 1961.
- СЛАПШАК 1998 = СЛАПШАК С. Хареми, номади: Јелена Димитријевић. *ПроФемина* 15–16 (1998): 137–149.
- СТЈЕЉА 2012 = СТИЈЕЉА А. Јелена Ј. Димитријевић – трагом прве признате српске књижевнице. *Књижевна историја* 147. Београд, 2012. 341–354.
- ШАЧКОВА 2008 = ШАЧКОВА В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2008/3: 277–281.
- BUTLER 1990 = BUTLER J. P. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. New York–London, 1990.
- SANKAR 1996 = SANKAR I. *S poti*. Ljubljana, 1996.
- ČUJEŽ 2011 = ČUJEŽ M. *Alma M. Karlin med mitom in resnico*. <https://siol.net/trendi/svetznanih/alma-m-karlin-med-mitom-in-resnico-293754>.
- GREGORIČ STEPANČIČ 1912 = GREGORIČ STEPANČIČ M. *Izlet po Balkanu. Naša bodočnost* 1912: 14–17.
- GREGORIČ STEPANČIČ 1922 = GREGORIČ STEPANČIČ M. *Izprehod po Skandinaviji. Jadranka* 1922/12.
- HABINGER 2006 = HABINGER G. *Frauen reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert*. Wien, 2006.
- KARLIN 1930a = KARLIN A. *Einsame Weltreise. Minden in Westfalen–Berlin–Leipzig*, 1930.
- KARLIN 1930b = KARLIN A. *Im Banne der Südsee. Minden in Westfalen–Berlin–Leipzig*, 1930.
- KOCH 2005 = KOCH M. Гендер дискурс у акцији. Наратолошке трансгресије код списатељица на почетку двадесетог века. Случај: Јелена Димитријевић. In: *Научни састанак слависта у Вукове дане* 34/2. Београд, 2005. 255–268.
- PESJAK 1877 = PESJAK L. V *Dražđanih. Zvon* 1877/10: 146–150.
- SLAPŠAK 2010 = SLAPŠAK S. *Potovanje pred pisanjem: avtobiografija Alme Karlin*. In: KARLIN A. M. *Sama: iz otroštva in mladosti*. Celje, 2010.
- STRNAD 1898 = STRNAD M. V *megli. Slovenski narod* 83–89 (1898).
- STRNAD 1900 = STRNAD M. *Marsikaj iz Rusije. Slovenski narod* 197 (1900).

WÜRZBACH 2006 = WÜRZBACH N. *Raumerfahrung in der klassischen Moderne. Großstadt, Reisen, Wahrnehmungssinnlichkeit und Geschlecht in englischen Erzähltexten*. Trier, 2006.

ANNA BODROVA

School of Slavic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

Travelogues of Yugoslav Female Writers in the First Half of the 20th Century: in Search of Identity

The paper considers travelogues of Yugoslav female writers Alma Karlin, Jelena Dimitrijević, Isidora Sekulić, Marica Gregorić Stepančić, Marica Strnad, Luiza Pesjak. These texts created in the first half of the 20th century in Serbian, Slovenian and German are on the periphery of the literary field and, with rare exceptions, do not belong to the canon. The most famous of these authors are Sekulić from Serbia and the German-speaking writer Karlin from Slovenia. Recently, the work of Dimitrijević has also become an object of attention of researchers. Other travelogues writers are almost forgotten.

Identity problems, especially national ones, are a constant component of the travelogue genre. During a journey, the author directs his attention to “other /alien” peoples and cultures that can be called foreign to the perceiving consciousness. However, when one perceives the “other”, one inevitably turns to one’s “own”, one’s own identity. The concept of “own – other /alien”, on which the dialogical philosophy is based (M. Buber, G. Marcel, M. Bakhtin, E. Levinas), implies an understanding of the cultural “own” against the background of the “alien” and at the same time culturally “alien” on the background of “own”.

Women’s travel has a special status in culture. Even in the first half of the 20th century the woman was given space at home. Going on a journey, especially unaccompanied, was at least unusual for a woman. According to Simone de Beauvoir, a woman in society is “different/other”. Therefore, women’s travelogues can be defined as the look of the “other” on the “other /alien”.

In this paper, particular attention is paid to the interrelationship of gender, national identities and their conditioning with a cultural and historical context. At the beginning of the 20th century in the Balkans, national identity continues actively to develop and the process of women’s emancipation is intensifying. Therefore, the combination of gender and national issues for Yugoslavian female travelogues of this period is especially relevant.

Dimitrijević’s travelogue *Seven Seas and Three Oceans* demonstrates this relationship most vividly: “We Serbian women are no less patriotic than Egyptian women... Haven’t Serbian women most of the merit that the big Yugoslavia originated from small Serbia?”

As a result of this study, the specificity of the national and gender identity constructs in the first half of the 20th century in the analyzed texts is revealed. For this period one can note, on the one hand, the preservation of national and gender boundaries, often supported by stereotypes, on the other hand, there are obvious tendencies towards the erosion of the established gender and national constructs, the mobility of models of gender and national identification as well, largely due to the sociohistorical processes of the time.

Keywords: Yugoslav literature in the first half of the 20th century, travelogue, national identity, gender, women’s travel, Alma Karlin, Jelena Dimitrijević, Isidora Sekulić, Marica Gregorić Stepančić, Marica Strnad, Luiza Pesjak